

Библиотека Всемирной Литературы



АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Рассказы



Аркадий Тимофеевич Аверченко

Как меня обворовывали

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=619255*

Аннотация

«Однажды я ехал в поезде, имея в кармане две тысячи рублей наличными. В купе вагона нас было двое: я и еще один господин – самого продувного вида.

Еще когда не зажигали огней, я уже решил, что этот господин не прочь обокрасть меня, а когда наступил вечер, я готов был дать голову на отсечение, что мой сосед не кто иной, как самый зловредный, опытный, хитрый вор без всяких твердых принципов и устоев. ...»

Содержание

I	4
II	8
III	12

Аркадий Аверченко

Как меня обворовывали

I

Однажды я ехал в поезде, имея в кармане две тысячи рублей наличными. В купе вагона нас было двое: я и еще один господин – самого продувного вида.

Еще когда не зажигали огней, я уже решил, что этот господин не прочь обокрасть меня, а когда наступил вечер, я готов был дать голову на отсечение, что мой сосед не кто иной, как самый зловредный, опытный, хитрый вор без всяких твердых принципов и устоев.

«Хорошо-с, – думал я, свесившись с верхней койки, на которой мне предстояло провести ночь, и разглядывая подозрительного соседа. – Мы с тобой, братец, еще потягаемся!.. Ты хитер, да и я ведь человек не последнего сорта! Посмотрим...»

Голова моя усиленно заработала.

«Если я засну, – размышлял я, – то он сейчас же обшарит мои карманы, найдет в боковом кармане деньги и удерет... Значит – нужно или совсем не спать, или заснуть, спрятав предварительно деньги в надежное место. Не отдать ли их обер-кондуктору?.. Но кто может мне поручиться, что тот

завтра утром не отогреется от всего, заявив, что никаких денег он и не видывал? Или сделать так: пойти в уборную и сунуть деньги до утра в умывальник или за электрический фонарь... Конечно, они могут сохраниться до утра. А вдруг кто-нибудь найдет их и заберет себе?..»

По зрелом размышлении, я признал все эти планы рискованными и негодными.

«Не спрятать ли деньги в чемодан, привязав потом его веревкой к ноге? Вор схватит чемодан, веревка дернет меня за ногу, я проснусь, наброшусь на вора и отколочу его...»

Это было бы очень недурно, если бы вор дал предварительную клятву не перерезывать ножом веревку, привязанную к ноге.

Но такую клятву, я был уверен, трудно у него вырвать, да и поклявшись, он мог бы нарушить данную клятву, потому что эти люди имеют о совести и религии самое смутное представление...

«А не предложить ли мне ему просто сто рублей, с условием, чтобы он соскочил на первой же станции? Неудобно. Спросит – почему? Раскритичится...»

Я долго и тщетно ломал голову и в конце концов остановился на одной мысли, которая показалась мне наиболее подходящей.

«У меня много карманов в платье, – подумал я. – Если разложить деньги поровну по всем карманам, – вор вытащит деньги из одного кармана и удерет, не подозревая, что в каж-

дом другом кармане лежит такая же сумма... Лучше потерять мне сто или полтора ста рублей, чем две тысячи – это ясно. Лучше уменьшить риск в пятнадцать раз, чем рисковать всем!»

Я погрузился в расчеты.

«В пиджаке у меня пять карманов, да в жилете четыре... Нет, тоже пять – один внутренний. Итого десять. В брюках – два по бокам да один сзади, на пуговице... Если при этом надеть пальто, в котором пять карманов, – получится восемнадцать. Предположим, я размещаю в каждый карман по сотне рублей... Останется две сотни лишних. Куда же их сунуть? В ботинки разве? Самое лучшее место! Наиболее рискованными карманами являются наружные в пальто. Они так явно мозолят глаза, что даже честному человеку трудно удержаться, чтобы не заглянуть в них. Нельзя ли сделать так: из карманов пальто перевести одну сотню в брючный карман, а другую во внутренний жилетный (самое безопасное место). Или насовать в пальто по десяти рублей на карман – пусть берет, простофиля. Но тогда у меня останется лишних двести пятьдесят. Можно в пиджак. Какой пиджак? Что за вздор... Это я хотел сказать – чемодан? Где чемодан?.. Вот он! Странно только – почему он шевелится?

Действительно, мой чемодан зашевелился, верхняя крышка отскочила и изнутри выползло нечто вроде змеи красивого изумрудного цвета. Меня страшно удивила особенность женщин притворяться: я сразу разгадал хитрость!

Это была не змея, а рукав зеленой кофточки жены. Я увидел жену во весь рост. Она потрепала меня по плечу, опустилась на качалку и лениво сказала:

– Вот скучища-то! Хоть бы в театр куда-нибудь. Еще не поздно? Который час?

Я протянул руку к своим часам и, содрогнувшись, очнулся.

Никакой жены не было. Она исчезла, и даже не одна, а с моим подозрительным соседом.

Я огляделся. Купе было совершенно пусто.

Я схватился за карман. Он был пуст.

В отчаянии я схватился за голову. В ней тоже после крепкого тяжелого сна ощущалась пустота.

Так обокрали меня первый раз в жизни.

II

Вторая кража была на значительно меньшую сумму. Просто когда я жил в кавказском курорте и вышел однажды прогуляться по горам, откуда-то из-за утеса выскочили кавказские разбойники и украли меня. Повторяю – эта кража была для воров менее прибыльна, чем первая, в вагоне, потому что со мной не было ни копейки денег, а сам по себе я стоил немного.

Разбойники схватили меня, связали, посадили на лошадь и заявили самым убедительным тоном:

– Если вздумаешь бежать – мы тебя убьем.

– Да для чего я вам понадобился? – с любопытством спросил я. – Вот еще, нашли тоже сокровище!

Моя скромность не произвела на них хорошего впечатления. Начальник толкнул меня в спину и сказал:

– Мы за тебя получим хороший выкуп.

Я был изумлен.

– За меня? Неужели я кому-нибудь нужен?

– Твои родственники выкупить тебя.

Абреки показались мне решительными дураками.

– Родственники? Только им и дела, что выкупать меня.

Как же! Есть у меня один дядя, да и тот повесится прежде, чем заплатит за меня три рубля.

– Мы за тебя получим десять тысяч!

Впервые узнал я свою настоящую рыночную стоимость, и размер ее немало меня порадовал. Лично я был о себе более скромного мнения.

– Не буду с вами торговаться, – сказал я, качая головой, – потому что это меня унизит. Но если была бы малейшая возможность зашибить на мне деньги, я первый сказал бы вам: «Просите двадцать тысяч. Мы оба по-братски заработаем на этом деле». Однако я не говорю этого. Почему? Совершенно безнадежное предприятие – за меня никто не даст ни копейки!

– У тебя есть друзья! – угрюмо сказал начальник.

Я горько засмеялся.

– Друзья! Я у них по уши в долгу! Я перехватывал деньги, где только мог... Когда ваш посланный явится к ним за выкупом, они поймают его, свяжут и потребуют уплаты всех моих долгов. Скажу вам откровенно: никогда вы не делали более глупой и менее удачной кражи, чем кража меня. Ваш торговый дом может лопнуть на мне, как мыльный пузырь. Я величина в покупательском смысле не только положительная, не только нулевая, но даже отрицательная! Прогоните меня как можно скорее.

– Пиши письмо! – закричал сердито начальник. – Проси выкупа, или мы тебя зарежем как собаку.

– Кому? – вспылил и я. – Кому я буду писать? Ротшильд? Испанскому королю? Говорю же вам – ни одна душа в мире не даст за меня ни копейки. Что я такое? Писанный кра-

савец, гений, за которого всякий отвалит какой угодно куш?! Украли... тоже! Не могли найти ничего лучшего... Где у вас глаза-то были?

Тон у меня был такой убедительный, что все сконфузились.

– В таком случае мы тебя зарежем, – предложил начальник.

– Тоже предприятие! Из одной глупости в другую. Такие вы умные интеллигентные разбойники, а рассуждаете, как... черт знает кто. Ну, вы меня зарежете – какая вам от этого польза? А если отпустите – я вернусь в город и буду расхваливать вас на всех перекрестках. Распишу, какие вы смелые, мужественные, благородные... Популярность ваша возрастет, и бедное население окружит вас ореолом героев. Богачи будут вдвойне бояться вас и беспрекословно выкупать друг друга. Кроме того, вернувшись в город, я постараюсь сам разбогатеть, обрасти, как говорится, шерстью, и, если когда-нибудь снова попадусь вам, за меня любой банк заплатит вам сколько пожелаете. Отпустите меня, а? Черт со мной, в самом деле!

– Черт с ним, в самом деле, – сказал, пожимая плечами, начальник. – Развяжите его. Пусть убирается на все четыре стороны.

Опьяненные моим дешевым красноречием, невежественные сыны гор развязали мне руки, и я пустился бежать по крутым утесам и камням с такой быстротой, что, если бы

случилось мне споткнуться и упасть в пропасть, – от моего десяти тысячного тела остались бы жалкие обломки, рублей на двадцать – двадцать пять по наивысшей оценке.

III

До сих пор я считаю самым гнусным делом третью кражу. Отчасти потому, что она была двойная, а отчасти – в ней был замешан один из моих лучших друзей.

Друга этого звали Фролов.

В дни нашей ранней молодости мы были неразлучны, но потом, когда в нашем городе появилась красавица-вдова Марфа Леонидовна, – наши отношения испортились. Ухаживали мы за ней оба, оба бывали у нее, но однажды Фролов в мое отсутствие совершенно необъяснимым образом взял надо мной перевес, и с тех пор красавица была для меня совсем потеряна. Я был так огорчен, взбешен и расстроен, что не являлся к ним (они поселились вместе) целый год, а потом однажды явился, чтобы высказать счастливым любовникам свое настоящее мнение об их отношении ко мне.

Когда я приехал к ним – Фролова не было и приняла меня Марфа Леонидовна.

Я уселся в кресло, угрюмо оглядел ее пышную великолепную фигуру и спросил сдавленным голосом:

– Счастливы?

Она улыбнулась:

– О, конечно.

– Послушайте, – сказал я, придвигаясь к ней в порыве неизъяснимого вдохновения. – Я через пять минут уйду и

никогда больше, слышите ли, никогда не покажусь вам на глаза. И только об одном умоляю – объясните мне, как другу: за что вы его полюбили? Чем он покори́л вас?

Она смотрела в окно, мечтательно улыбаясь и постукивая носком туфельки о ковер. Потом, после некоторого колебания, сказала:

– Вам это может показаться странным, но Володю я полюбила за одно стихотворение. Такое стихотворение мог написать только талантливый, безумно любящий человек. И когда он прочел его мне и посвятил – я дала ему первый поцелуй.

Я всплеснул руками.

– Володька написал хорошие стихи?! Полноте! Он способен рифмовать «село» и «колесо», «медведь» и «плетень» – я очень хорошо его знаю. Наверное, бездарные глупейшие стишонки написал он вам?

– Ошибаетесь, – нахмурилась она. – Стихи бесподобные. Так мог написать только большой поэт. Правда, такие стихи могла подсказать исключительно любовь ко мне – больше он стихов не писал.

– А как они... начинаются? Не помните?

Она обратила глаза кверху и тихо начала:

В ночь разлуки с тобою приснился мне сон.

Страшен был, непонятен был он...

Для него нет в уме объясненья —

Мне пригрезились волны забвенья

Мутной Леты, и он – этот дряхлый Харон

Вел ладью свою против течения...

Я в ладье той сидел
И печально глядел...

Я вскочил с кресла и с громким криком схватил прекрасную вдову за руку.

– Слушайте! – вскричал я. – Да ведь это мое стихотворение!! Я его тогда же, помню, написал и показывал Фролову. Фролов пришел от него в неистовый восторг, просил даже переписать его...

Красавица побледнела, как бумага. Грудь ее вздымалась, подобно морской волне.

– Возможно ли это?

– Клянусь вам – это мои стихи.

Руки ее бессильно упали на колени.

– Что же... теперь делать?

Я заглянул ей в лицо и сказал:

– Первый ваш поцелуй принадлежал вору; отдайте второй – собственнику!

– Но ведь я целый год любила его за это стихотворение!

– В таком случае, – озабоченно сказал я, обнимая ее талию, – нам нужно как можно скорее наверстать этот украденный год!!

И эта честная женщина пожалела обворованного простака, и тихо улыбнулась ему, и поспешила согласиться с ним...